



ПОЛИНА ЛУГОВЦОВА

ПРОКЛЯТЫЙ
ТЕРЕМ

Полина Луговцова

Проклятый терем

<https://litres.ru/74627184>

SelfPub; 2026

Аннотация

Клара не верила в существование призраков, пока незнакомая старуха не завещала ей терем в глухом лесу, построенный в XIX веке по заказу заморского художника. Об этом тереме ходит дурная слава: говорят, он не отпускает своих гостей. Ничего не зная об этих слухах, Клара приезжает туда, чтобы решить, стоит ли ей вступать в наследство или лучше отказаться от него. Не успев перешагнуть через порог, она замечает за окном одного из мезонинов женщину в белом, так похожую на нее саму. Кто эта женщина, призрак или двойник? Чего она хочет? Пытаясь разгадать эту загадку, Клара не подозревает, что у терема свои планы на них обоих.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. «Жил-был художник один...»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Полина Луговцова

Проклятый терем

ПРОЛОГ

*Стоит терем-теремок,
Он то низок, то высок,
То он прям, то кривобок,
То он тесен, то широк.*

*Кто в том тереме живет?
Кто ночами свечи жжжет?
Любопытствует народ,
Но и носа не сует.*

*Знают люди наперед:
В тереме погибель ждет.
Всякий, кто туда войдет,
Безвозвратно пропадет.*

Вокруг были одни стены.

Стены, стены, стены... Бревенчатые, толстые, глухие, они образовывали нечто вроде лабиринта, в котором она металась в поисках выхода. Ни окон, ни дверей, только пустые

проемы, а за ними — снова стены, ничем не отличавшиеся от прочих. Голова у нее кружилась, перед глазами все плыло, отчего казалось, что стены дышат, движутся и смыкаются за ее спиной, как челюсти огромного зверя.

Откуда-то пробивался свет, слегка разбавляя темноту, но она не могла найти его источник.

«Где я?! Как здесь очутилась?!» — Она давно ломала голову над этими вопросами и уже отчаялась найти на них ответы: слишком много времени прошло с тех пор, как ее угрозило попасть в эту странную ловушку. Кто ее поймал и зачем? Кто притащил сюда и запер в этих стенах? Она попыталась вспомнить, как это произошло, но в памяти всплывала одна и та же картинка: интерьер комнаты в высоком мезонине терема, окно с мутным исцарапанным стеклом и расколотой деревянной рамой, с которой слезла вся краска, не считая россыпи мелких чешуек, каким-то чудом державшихся на ее поверхности; за окном — лес, черный, дремучий, страшный, но ей хотелось убежать туда, потому что в тереме было еще страшнее. А потом у нее закружилась голова, и она почувствовала, что падает. Вероятно, она потеряла сознание и очнулась уже здесь, среди этих стен.

Терем был полон пугающих загадок, и сбежать отсюда ей хотелось с самого первого дня, но как она ни старалась, все время что-то не давало ей уйти. И вот, окончательно осознав, что находится в большой опасности, она решила-таки покинуть это темное, пропитанное влагой бревенчатое строе-

ние, но оно не отпустило ее. Казалось, терем втянул ее в свое нутро и готовился переварить.

— Помогите! Я не могу выбраться! Эй! Меня кто-нибудь слышит?! — взывала она раз за разом, но голос ее давно сел и скрипел так же тихо и жалобно, как дощатый пол под ногами. В горле у нее пересохло, губы растрескались, а пальцы, изодранные о шершавые бревна в поисках сквозной щели, потеряли чувствительность.

Вдруг до ее слуха донесся отдаленный звук, первый за долгое время заточения. Она затихла и прислушалась. Ей показалось, что кто-то ходит за стеной — одной из множества стен, окружавших ее со всех сторон. Окрыленная вспыхнувшей надеждой на скорое избавление, она медленно пошла на звук шагов, пытаясь найти ту стену, за которой они раздавались, и вскоре нашла ее. Стена выглядела такой же глухой, как и остальные, но под ней светилась узкая щель, тянувшаяся на несколько метров. Полоска света дрожала и пульсировала, как вена на шее загнанной лошади.

Опустившись на колени, она прильнула к стене, пытаясь разглядеть то, что находилось за ней, и в этот момент стена поехала вправо. С левой стороны образовался проем, который становился все шире, и оттуда хлынул яркий свет.

Она сломя голову бросилась в образовавшуюся брешь, но, словно предчувствуя недоброе, остановилась в шаге от вожажденной свободы. Когда ее глаза привыкли к свету, от увиденного у нее подкосились ноги. Знай она заранее, что най-

дет за этой стеной, предпочла бы остаться взаперти.

Но было поздно. Ее взгляд, казалось, прирос к тому, что проступало в ослепительном сиянии, и ноги сами понесли ее вперед, в самое сердце терема.

Глава 1. «Жил-был художник один...»

Дорога вонзалась в лес, как ржавый нож в заплесневелый пирог, рассекая его точно посередине и исчезая в темной сырой глубине.

«Нива» замерла на гребне размытой грунтовки и чихнула двигателем, выплевывая в тяжелый, налитый влагой воздух облачко сизого выхлопа, которое тотчас подхватил ветер и унес туда, где между замшелыми стволами, как шов на старой ране, темнела узкая просека. Клара проследила за уплывавшими вдаль струйками дыма, сосредоточила внимание на просеке, а затем вновь опустила взгляд к экрану смартфона, лежавшего на ее коленях. По расчётам навигатора (он сошёл с ума ещё два часа назад, показывая то три, то полтора километра до цели), в конце просеки и стоял терем Строговых, но Клара сильно сомневалась в том, что это так.

— Кажется, карта врет, — проговорила она, озабоченно хмурясь и машинально теребя выбившуюся прядь своих длинных волос, собранных в небрежный хвост. — Показывает, что терем находится прямо лесу, но разве так бывает? Кому придет в голову строить дом в такой глухомани? К тому же эта дорога на карте не отмечена. Может быть, мы не там свернули?

— Так это очень старая дорога, — пояснил сидевший за рулем мужчина и прочистил горло, словно собирался произнести длинную речь. — Ее построили еще в эпоху гужевого транспорта. В ту пору здесь был крупный торговый узел, товары доставлялись по реке на больших грузовых кораблях, а потом их развозили по деревням и городам на телегах с лошадьми. Ох, и лихие были времена! Ехали купцы со своим товаром сквозь чащобу по такой вот дороге и не знали, доберутся ли до места, довезут ли свой товар. Разбойников в этих лесах была тьма тьмущая! Никакого спасу от них купцам не было, поэтому те прямой дорогой не ездили, настроили ответвлений, чтоб разбойникам труднее было их выследить, и бывало, что некоторые дороги зарастали, терялись в лесу. Так и эта дорога исчезла, но потом о ней вспомнили и расчистили — это было, когда один заморский художник вздумал тут терем себе отстроить.

Виктор Степанович, бывший участковый (так он представился Кларе, когда она садилась в его машину), говорил размеренно, чуть покачивая головой в такт словам. Это был долговязый старик, крепкий, как вековой кедр, с широкими плечами и жилистыми руками, покрытыми сетью глубоких морщин и шрамов — следами нелегких и, судя по всему, беспокойных трудовых будней. На его лице, загоревшем до кирпичного оттенка, не отражалось никаких эмоций, словно оно задубело до такой степени, что утратило способность к мимике; двигались лишь глаза — чуть прищуренные, цве-

та увядшей листвы, они внимательно следили за дорогой из-под темных бровей с проседью. Густые рыжеватые усы топорщились, как мох на пне, а волосы скрывались под форменной фуражкой, лишенной опознавательных знаков. Виктор Степанович сидел за рулем свободно, чуть откинувшись, словно сросся со своей старой машиной, и лишь когда «Нива», подсакивая на очередном ухабе, норовила уйти в сторону, его пальцы на мгновение крепче сжимали руль.

— Заморский художник? — удивилась Клара. — Это какой же?

— О-о... Имечко у него уж больно заковыристое... — Ее собеседник задумчиво возвел глаза к небу, затянутому темными свинцовыми тучами, такими низкими и тяжелыми, что казалось, они давили на деревья и те сгибались под ними. — То ли Бобс, то ли Хобс, что-то в таком духе.

— Не припомню я художников с подобными именами! — Клара сосредоточенно наморщила лоб, забыв о том, что запретила себе так делать, опасаясь, как бы тонкие, тоньше волоса, складки, наметившиеся над бровями, не превратились в глубокие борозды. Конечно, когда тебе едва перевалило за двадцать, переживать о таком, быть может, нелепо, но Клара считала, что лучше отучить себя от этой привычки задолго до того, как появится повод для беспокойства. — Разве что Босх, но он умер в тысяча пятьсот шестнадцатом году, а год постройки терема, если верить документам, тысяча восемьсот восьмидесятый, это на три с лишним века позднее.

— Во, точно, Босх! — оживился старик, и в его глазах вспыхнул огонек.

— Да быть этого не может! — недоверчиво воскликнула Клара и, не удержавшись, рассмеялась. — В биографии Иеронима Босха не упоминается ни слова о том, чтобы он когда-либо бывал в этих краях, а уж если бы ему вздумалось здесь поселиться, о таком бы точно было известно.

— Да я ж не договорил! — перебил ее Виктор Степанович, красноречиво потрясая рукой в воздухе и заодно отгоняя назойливого комара. — По слухам, этот художник, ну, который хозяин терема, якобы был не то последователем того самого Босха...

— Босха, — машинально поправила Клара.

— ...не то даже его потомком, унаследовавшим талант своего великого прародителя, — невозмутимо продолжил Виктор Степанович.

— Если верить биографии, у Босха не было детей, — сообщила Клара.

— Ну мало ли, может, были незаконнорожденные отпрыски, а кто о них в биографии напишет? — выкрутился старик, пряча в пышных усах лукавую улыбку.

— Вот так и рождаются неприличные слухи, порочащие ни в чем не повинных людей! — с укором воскликнула Клара и вцепилась в подлокотник кресла, чтобы скрыть, что ее трясет от едва сдерживаемого смеха: все-таки водитель был человеком преклонного возраста, и ей казалось неловким от-

крыто смеяться над пожилыми людьми.

— Нет, ну я же не утверждаю. Так, предположил просто, — смутился Виктор Степанович, разводя руками. При этом он отпустил руль, отчего «Нива» сползла с гребня и накренилась. Клара на мгновение ощутила, как ее внутренности ухнули куда-то вниз.

— За что купил, за то и продаю, как говорится. Да ведь и не важно, как этот художник был связан с тем Босхом, — продолжил он, словно оправдываясь. (Клара отметила про себя, что ему наконец удалось правильно произнести это, в общем-то, короткое и несложное, на ее взгляд, имя). — Да и народ у нас до выдумки охоч, чего только не насочиняют! Ежели хотите отделить зерна от плевел, наведайтесь в наш краеведческий музей — там, кажись, до сих пор висит стенд, где вся история терема в подробностях расписана. Кстати, вспомнил: художника звали Аврелий Ван Хобс! Я уж думал, что совсем его имя запамятовал, а оно вдруг ни с того ни с сего само в голове выскочило! Что поделать — возраст, память подводит. А ведь грех не помнить-то, я же тот стенд тыщу раз видел — и в школьные годы, и позже, когда женился: Тамара, супруга моя, в том музее не меньше четверти века проработала, пока не ушла вахтером в «Лукоречье». Это частная турбаза, ее тогда только-только отстроили и массово работников туда набирали, хорошей зарплатой заманивали, премии большие обещали. Поначалу-то и правда неплохо платили, но потом урезали чуть ли не вдвое, крохоборы

этакие, будь они неладны!

Клара слушала, вежливо кивая и дожидаясь момента, когда можно будет вернуться к разговору о художнике — ей хотелось узнать еще какие-нибудь подробности о нем: как-никак, он построил терем, в котором ей, возможно, предстояло поселиться, если, конечно, она согласится вступить в наследство согласно завещанию, написанному в ее пользу последней хозяйкой терема и зачитанному ей нотариусом несколько дней назад.

Звонок телефона разбудил Клару ранним утром, за час до того, как должен был прозвенеть будильник. Поначалу она решила, что это чей-то дурацкий розыгрыш или новая схема мошенничества, и долго не могла поверить в то, что некая незнакомая ей старушка вдруг выбрала ее своей единственной наследницей. Все наследство старушки состояло из этого пресловутого терема, к которому Клара и направлялась в данный момент, чтобы осмотреть его и решить, стоит ли ей обзаводиться таким имуществом или проще отказаться от него и забыть об этом странном завещании.

Нотариус, Эдуард Аркадьевич Верещагин, мужчина лет пятидесяти, невысокий, сухопарый, с узким вытянутым лицом, водянистыми серыми глазами и бледной кожей, какая бывает у большинства клерков, годами корпящих над своими бумагами в пыльных кабинетах, грустно смотрел на Кла-

ру сквозь очки в тонкой золотой оправе, то и дело поправляя длинными пальцами с ухоженными ногтями. Темно-серый костюм, белая рубашка, галстук в тон, начищенные до блеска туфли выглядели безупречно, выдавая в нем аккуратного человека, на которого можно положиться.

Клара встретилась с Эдуардом Аркадьевичем на следующий день после телефонного разговора. В его кабинете, расположенном в старом здании с высокими потолками и лепниной, пахло кожей, старой бумагой и кофе. Сам нотариус скрывался за стопками папок, которыми был завален его массивный дубовый стол, поэтому Клара поначалу решила, что кабинет пуст, и некоторое время стояла в нерешительности, разглядывая портреты на стенах. Оттуда на нее смотрели важные мужчины в старомодных сюртуках — вероятно, предшественники Верещагина. От их строгих взглядов ей стало немного не по себе, и она хотела было выйти за дверь, чтобы дождаться нотариуса снаружи, но в этот момент тот показался над горой папок. Чуть склонив голову в знак приветствия, он жестом указал на кресло для посетителей, мягкое, но слишком глубокое: провалившись в него, Клара почувствовала себя не в своей тарелке и долго барахталась, прежде чем ей удалось найти более или менее удобное положение.

Эдуард Аркадьевич поведал ей, что старушка, завещавшая ей свое добро, несколько лет провела в интернате для душевнобольных, куда была направлена после тяжелого ин-

сульта, спровоцировавшего потерю памяти. Родственники старушки не объявились, а сама она не смогла сообщить о себе никаких сведений: ни своего адреса, ни адреса родных или знакомых, ни даже собственного имени. Все, что было о ней известно, так это то, что какой-то водитель подобрал ее в канаве рядом с шоссе неподалеку от поселка Чернолучье и привез в местную больницу. Там пострадавшей оказали первую помощь, подлечили, насколько это было возможно, а потом, поскольку выписывать ее было некуда, отправили в интернат, расположенный на окраине этого же поселка.

И вот незадолго до своей кончины старушка внезапно все вспомнила. Она назвалась Агриппиной Яковлевной Строговой, сообщила, что ей семьдесят шесть лет, и потребовала пригласить к ней нотариуса, чтобы составить завещание. Однако вместо имени наследника она назвала госномер автомобиля и заявила, что хочет завещать свое имущество тому, кому принадлежит этот автомобиль. Поскольку Агриппина Яковлевна готовилась испустить последний вздох, искать владельца автомобиля нотариусу было уже некогда, и он зафиксировал в завещании волеизъявление своей клиентки в том виде, в каком она его озвучила, после чего направил запросы в соответствующие инстанции. Из полученных ответов следовало, что владельцем автомобиля с таким госномером является Клара.

Это известие ее ошарашило.

— Но я никогда не ездила на этой машине... то есть...

не управляла ею сама, — растерянно пробормотала она, совершенно сбитая с толку. Руки ее непроизвольно сжались в кулаки, а голос предательски дрогнул. — Машина досталась мне по наследству от родителей. Три года назад они попали на ней в аварию и погибли. Машины как таковой уже нет, это просто груда металлолома, которая сейчас находится в гараже, потому что... ну... в общем, ее давно пора утилизировать, но мне не хочется заниматься этим делом, воспоминания слишком тяжелые, и...

— Да, я понимаю, — пришел ей на помощь Эдуард Аркадьевич. — Абсолютно не важно, в каком состоянии находится автомобиль, главное, что вы его владелица, а значит, завещание моей клиентки адресовано именно вам.

— Но почему? Я совсем не знаю эту женщину и никогда не слышала, чтобы родители упоминали о ней в своих разговорах.

— Они и не были с ней знакомы. Агриппина Яковлевна призналась мне, что трагедия, унесшая жизни ваших родителей, случилась по ее вине. Она выскочила на дорогу прямо перед автомобилем, в котором они ехали, из-за чего тот перевернулся и на большой скорости рухнул в кювет. И, хотя водитель ее не задел, она все же получила травму — метнувшись в сторону, упала и ударилась головой об асфальт. Все произошло так быстро, что ей не удалось запомнить ни лиц тех, кто находился внутри, ни марку машины, ни даже цвет кузова, но, как ни странно, регистрационный номер отчет-

ливо запечатлелся в ее памяти. Травма оказалась не слишком серьезной, и Агриппина Яковлевна ушла с места аварии на своих ногах. Рассказывая мне об этом, она ссыалась на некие крайне важные обстоятельства, заставлявшие ее спешить — якобы, из-за них она и выскочила на дорогу. Далеко уйти ей не удалось: полученная травма спровоцировала обширный инсульт, который вскоре свалил ее с ног, а заодно основательно подтер память. Очнулась она уже больнице, и никто не связал с ней аварию, в которой погибли ваши родители. Проверить слова Агриппины Яковлевны я не смог, информации о свидетелях не нашлось, но мне показалось, что она говорила правду.

— И почему же Агриппина Яковлевна решила завещать имущество владельцу автомобиля, под колесами которого она едва не погибла? И разве это не кощунство — выбрать наследником того, кто сам погиб из-за нее?

— Скорее всего, она не знала, что водитель погиб, и, вероятно, хотела таким образом хотя бы отчасти искупить свою вину перед ним, — предположил Эдуард Аркадьевич. — Находясь при смерти, люди часто пытаются облегчить свою душу, а моя клиентка, судя по всему, чувствовала, что ей недолго осталось.

Клара и сама склонялась к такому же мнению. Поступок незнакомой старушки тронул ее, к тому же ей стало любопытно, какие такие «крайне важные» обстоятельства вынудили ту выскочить на дорогу прямо под колеса автомобиля,

а затем заставили подняться и пойти дальше, несмотря на полученную травму. Куда она так спешила? А может, ей грозила опасность? Клара подумала, что в доме покойной могли бы найтись ответы на эти вопросы.

— Ну так что, будете писать заявление о вступлении в наследство? — поинтересовался нотариус, прерывая ее размышления, и она не стала отказываться, хотя вначале намеревалась поступить именно так. Она попросила дать ей время подумать и добавила, что прежде хотела бы взглянуть на объект наследования.

— Понимаю, — кивнул Эдуард Аркадьевич. — Но не спешите отказываться. Давайте поступим следующим образом: вы напишете заявление, съездите, посмотрите на дом, может быть, поживете там недельку-другую, чтобы, так сказать, примерить его на себя, а затем, если не захотите становиться наследницей, просто скажете мне об этом, — предложил он и замолчал, задумчиво глядя в стол и поглаживая корешок одной из папок.

— А можно ли жить в этом доме? — спросила Клара. — Ведь неизвестно, что с ним стало за три года отсутствия хозяйки!

— Жить можно. Я ездил туда, и не единожды. Первый раз поехал, чтобы составить опись, и тогда выяснилось, что входную дверь надо срочно отремонтировать или заменить: в ней была сквозная дыра. Удивительно, что дом не обчистили за эти годы! Красть там, конечно, особенно нечего, все очень

старое... — В этот момент глаза нотариуса забежали. — Но ведь могли и просто по бревнышку растащить, а терем цел и невредим, не считая сломанной двери. Внутри сохранилась вся мебель, посуда и прочие вещи — по крайней мере, так сказала Агриппина Яковлевна, ознакомившись с описью, которую я сделал. Кроме этого, в доме отключили электричество за неуплату — оно и понятно, платить-то было некому. Странно, что дом не ушел с молотка — вероятно, кредиторы сочли ценность дома невысокой и решили, что овчинка выделки не стоит. Хозяйка поручила мне нанять кого-нибудь, кто мог бы оплатить долги за электричество, решить вопрос с его подключением и мало-мальски привести дом в порядок.

— Откуда же она взяла деньги, если три года прожила в интернате и была без памяти? — удивилась Клара.

— Когда память к ней вернулась, нашла и ее пенсия, которая все это время копилась на банковском счету. Вдобавок Агриппина Яковлевна вспомнила, что в доме у нее хранится небольшая сумма наличными, и подсказала мне, как найти ее тайник. — Эдуард Аркадьевич в очередной раз поправил очки, внимательно следя за реакцией Клары, словно опасался, что она может заподозрить его в чем-то неприличном — например, в том, что он прикарманил деньги доверчивой старушки. — Средств собралось не так много, но нашелся человек, который взялся за дело, согласившись на скромную плату. Он подлатал дверь, кое-где протянул новую электро-

проводку и еще много чего починил в доме. Во время моего последнего визита в терем, уже после кончины Агриппины Яковлевны, я вновь встретился с этим человеком и сообщил ему печальную новость о том, что хозяйка терема покинула этот мир. Мы с ним разговорились, и я сказал, что, возможно, вскоре в доме появится новая хозяйка. Он просил передать ей, то есть вам, что вы можете рассчитывать на его помощь, пока будете обустраиваться в доме, пообещал даже подежурить ночами в каморке у входа, чтобы вам не было страшно одной.

— А что это за человек? И сколько он попросит за свою помощь? — поинтересовалась Клара, не обрадовавшись такой навязчивости со стороны постороннего мужчины. Судя по всему, он хочет заработать еще денег, и как только она приедет в терем, начнет мозолить ей глаза, а она, конечно же, будет терпеть его присутствие из вежливости. — Это работник какой-то строительной фирмы?

— Нет, всего лишь местный лесник, но он мастер на все руки, как и большинство деревенских жителей. Не волнуйтесь, я навел о нем справки, проблем с законом у него никогда не возникало, и односельчане его хвалят. Впрочем, можете не общаться с ним, если не хотите. — Выдержав паузу, Эдуард Аркадьевич подался вперед и ошарашил ее внезапным вопросом: — Так вы поедете?

Неожиданно для себя Клара кивнула.

Нотариус с торжествующим видом откинулся в кресле,

удовлетворенно потирая руки, словно только что заключил выгодную сделку, а затем, порывшись в ящике стола, передал ей ключи от терема и даже предложил отвезти ее туда. Они условились встретиться через три дня, однако за день до встречи Верещагин позвонил ей и, рассыпаясь в извинениях, сообщил, что у него возникли срочные дела, поэтому добираться ей придется своим ходом. Он объяснил, как доехать до поселка Чернолучье, и посоветовал нанять там водителя. «Местные наверняка знают, что это за терем, и мигом домчат вас куда надо», — заверил он ее и отключился.

Но все оказалось не так просто.

Высидевшись из рейсового автобуса на конечной остановке, Клара принялась тормозить проезжавшие мимо машины, однако никто из водителей не соглашался подвезти ее: кто-то спешил по своим делам, кто-то отвечал, что ни о каком тереме никогда не слышал, и, когда она называла адрес «Улица Сов, 1», уверял, что такой улицы в их поселке нет и никогда не было.

Наконец пятая попытка увенчалась успехом: перед Кларой остановилась издававшая виды «Нива», дребезжавшая всеми своими составными частями, и водитель сразу понял, о каком тереме идет речь, даже адрес сам назвал. Казалось, он был рад перспективе прокатиться в это место, словно и так собирался поехать туда, а может, ему просто хотелось с кем-то пообщаться. Во всяком случае, он не стал задавать лишних вопросов и, перегнувшись через соседнее сиденье,

широко распахнул дверцу со словами: «Да вы лучше присаживайтесь! По дороге все и расскажете». Кларе он понравился: в этом человеке, несмотря на преклонный возраст, ощущалась особая выправка, присущая представителям профессий, подразумевающих ношение погон: военным, полицейским, летчикам, морякам, то есть тем, кто внушает доверие.

— Виктор Степанович, бывший участковый! — представился он, подтверждая предположение Клары, и протянул ей крепкую мозолистую ладонь. — Формально на пенсии, фактически все еще в строю. Помогаю бороться с преступностью, пока силы и здоровье позволяют, еще успею на диване поваляться, — добавил он, заговорщически подмигивая Кларе.

Чувствуя, что проникается к нему симпатией, Клара забралась в салон и захлопнула за собой дверцу, отсекая сентябрьский ветер, бесцеремонно запустивший свои холодные длинные пальцы ей за воротник. «Нива» рванула с места, удивляя ее своей прытью, и даже теперь, когда асфальтовая дорога сменилась ухабистой скользкой грунтовкой, эта старая разбитая машинешка уверенно вторгалась в дремучий лес сквозь узкий тоннель из разлапистых хвойных деревьев, нещадно царапавших ее помятые бока.

— Поэтому путь и проторен аккурат до терема, а дальше — тупик. — Голос Виктора Степановича, донесшийся словно издалека, выдернул Клару из воспоминаний, и она поняла, что пропустила какую-то часть из того, что он успел рас-

сказать. — Последние годы терем стоял заброшенный, и дорога снова заросла, да еще и болото ее подъело, а незадолго до вашего приезда ее заново отсыпали — говорят, хотели какой-то модный отель там соорудить, интер... интен... — Собеседник запнулся — то ли позабыл нужное слово, то ли не мог выговорить, но наконец выпалил: — Интегрированный в экосистему, вот! Со временем, думаю, эта дорога появится и на картах, а пока что, видимо, её туда не внесли.

— Эко-отель? — Клара бросила взгляд за окно, в глубь окружавшей их хвойной пучины. — Идея, конечно, хорошая, но ведь придется рубить лес.

— Рубить им никто не позволит! — отмахнулся Виктор Степанович. — Здесь природоохранная территория. Именно поэтому, кстати, этот лес и сохранился в первозданном виде. Коммерсанты нацелились на терем и прогалину вокруг него, там ничего рубить не надо. И дорогу не надо прокладывать, вот она, готовая, разве что подправить ее придется — отсыпать и в асфальт закатать.

— Нацелились на терем? То есть, хотят выкупить и переделать под отель?

— Да не-ет, снести они его хотят! Их главный, здоровенный такой, холеный мордоворот, пороги обивал у нас в администрации, пытался снос оформить, якобы бесхозное строение. И, я думаю, оформил бы, а тут хозяйка возьми и объявись! Правда, я слышал, что она вскорости померла, но успела-таки завешание оставить, так что обломался мордоворот!

— Виктор Степанович повернулся к Кларе и подмигнул ей.

— Ты, стало быть, теперь хозяйкой в тереме будешь?

— Да я, в общем-то, еще не решила, — пожала плечами Клара. — Сначала осмотреться хочу, поживу немного...

— Говорят, дареному коню в зубы не смотрят! — весело хмыкнул Виктор Степанович и вдруг нахмурился. — Хотя... местечко это довольно жутковатое, да и слава у него недобрая.

— А что с ним не так? Привидения водятся? — шутливо спросила Клара, но сердце ее тревожно сжалось.

— Ну а как без этого? Разве бывают такие старые дома без привидений? — тоже пошутил Виктор Степанович, улыбаясь в усы, однако глаза его остались серьезными. Помолчав немного, он заговорил уже другим тоном, совсем не таким веселым:

— Не хочу тебя зря пугать, поэтому не стану рассказывать всякие байки, которые от людей слышал. Байки — это не факты, а фактов никаких нет. Но я на твоём месте не стал бы надолго оставаться в этом доме в одиночестве. Дремучий лес, пустые комнаты... Тоска! А от тоски, бывает, люди сходят с ума. Одиночество в таком безлюдном месте опаснее всяких привидений. Вот вместе с семьёй, с детьми — совсем другое дело. Но ты, как я погляжу, молоденькая совсем. Наверное, не успела еще мужем и детьми обзавестись?

— Не успела, — ответила Клара. Спроси ее об этом кто-нибудь другой, она наверняка сочла бы такой вопрос бес-

тактным, однако голос Виктора Степановича звучал тепло и по-отечески, в нем не ощущалось праздного любопытства.

— Ну ничего, это дело наживное! — сказал он и, помедлив в раздумье, снова спросил: — Ну а родня хоть какая-то у тебя есть? Подруги? Жених, в конце концов? Как они отпустили тебя одну в такую глушь? Или ты хочешь спрятаться от кого-то?

Это было уже слишком. Клара напряглась, и смартфон выскользнул из ее пальцев, словно живой. Она поймала его в воздухе, сунула в карман и отвернулась к окну, погружаясь в свои мысли.

Виктор Степанович, сам того не ведая, попал в точку: она действительно хотела спрятаться, но осознала это только сейчас.

Спохватившись, Клара обернулась к своему собеседнику, полагая, что он ждет от нее ответа и надо что-то сказать, чтобы не показаться невежливой, но Виктор Степанович сосредоточенно смотрел на дорогу.

В следующую секунду он резко сбросил скорость и воскликнул с некоторым торжеством:

— Приехали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.